

Академик Виктор Матвеев: «Мы не вне политики, а над ней...»

Беседа с научным руководителем Объединённого института ядерных исследований

27.10.2021

Наше знакомство с Виктором Анатольевичем Матвеевым исчисляется уже не годами, а десятилетиями, что подразумевает не только добрые, дружеские отношения, но и доверительность...

— После распада Советского Союза вы стали третьим директором ОИЯИ. У первого директора академика Кадышевского главной задачей было выживание института. Тогда существовала реальная опасность его исчезновения. Благодаря энергии и мудрости Владимира Георгиевича удалось сохранить институт. Ему на смену пришел академик Сисакян, при котором появились первые ростки возрождения Дубны...

— Алексей Норайрович дал своеобразный пассионарный толчок. Он показал всему миру, что есть такой уникальный научный центр на берегу Волги...

—...И что во главе его стоит физик и поэт! К сожалению, он неожиданно ушел из жизни... Избрали директором вас. Я вчера посмотрел интервью, которое вы дали сразу после избрания. У вас были сомнения (вы их не скрывали!), что Дубна останется одним из ведущих мировых центров науки. Сомнения относились и к институту, и к вашей личной научной работе. Удалось оставить подобные страхи?

— Честно говоря, я уже не помню страхов, но я хорошо сознавал, что смерть Алексея Норайровича - страшный удар и для института, и для меня лично. В своё время Николай Николаевич Боголюбов «поручил» его мне. В Дубне он стал одним из моих первых учеников, мы вместе работали, он защищал под моим руководством кандидатскую диссертацию... И вот мне предлагают стать директором. Время было очень тяжёлым и для ОИЯИ, и вообще для всех академических институтов. Я был директором Института РАН, и надо было создать программу его развития, что в тогдашней ситуации было очень сложно. А у ОИЯИ, благодаря инициативам Сисакяна, появилось несколько «прожекторов». Их нельзя было назвать реальными проектами, так как они не были детально проработаны. И надо было сделать их амбициозными, на мировом уровне, объединить людей на их осуществление. Должна быть программа, востребованная мировым научным сообществом. А это всегда непросто. Конечно, большая честь быть директором такого института, но и очень большая ответственность. Я понимал, что прихожу в институт, где начинал когда-то работать. Это с одной стороны. А с другой — я знал всех директоров лабораторий, это были выдающиеся люди, и то, что ими было заложено — бесценное богатство. В основе всего лежало творческое сотрудничество. И я понимал, как непросто на столь высоком уровне это сохранять и развивать. По своему опыту директора академического института я понимал, что наука стоит перед трудным выбором. Она должна найти себя в новом мире, остаться на передовых рубежах. Ох, как это непросто!

— **Но отступить было некуда!**

— Конечно. Мне оказали высокую честь, избрав директором единогласно. Я понимал, что надо оправдывать доверие, но, прежде всего, реализовать ряд проектов, в частности, коллайдера НИКА. Требовалась реализация комплекса проблем в новых условиях, при новом законодательстве — от выделения земли до финансовых вопросов.

— **И что выделили вы в первую очередь?**

— Объединение усилий учёных. Не разделение, а именно объединение физиков, что позволило осуществить то, что даже в самых смелых мечтах казалось неосуществимым! Один из примеров тому — глубоководный нейтринный телескоп на Байкале. Он позволяет заглянуть в глубины Вселенной. Раньше об этом можно только было мечтать! И вот объединение академического института, Дубны и ряда других научных и производственных учреждений позволили это мечту реализовать.

— **Одно время вы были «дважды директором» — ОИЯИ и Института ядерных исследований РАН. Ведь и это помогло, не так ли?**

— Конечно, хотя совмещать обе эти должности было очень трудно.

— **Я видел ваше счастливое лицо, когда шёл пуск этого телескопа...**

— Ещё бы! Ведь это ведь мечта физиков нескольких поколений. Всегда так случается, когда добиваешься чего-то очень крупного, значимого...

— **Есть телескоп и на Кавказе...**

— В Баксанской нейтринной обсерватории получены очень интересные и важные результаты. Они касаются существования так называемого четвёртого, стерильного нейтрино. Им можно определить некоторые аномалии потоков нейтрино, которые идут от реакторов. Для эксперимента нужно было искусственно создать поток нейтрино очень большой интенсивности. И эта задача была решена. Скоро выйдет публикация, авторами которой являются учёные Академии наук, Дубны и наши американские коллеги...

— **Удивительно это слышать во время «эпидемии» санкций!**

— Дубна — очень многоплановый институт. Гордимся тем, что мы тесно сотрудничаем, подчеркиваю — не конкурируем, а сотрудничаем! — с коллегами в Европе, в Америке, во многих странах. Дубна стала хорошей площадкой для мультидисциплинарных исследований, которые очень востребованы в странах-участницах. На её территории мы реализуем сложные и дорогие проекты, такие, как НИКА, Фабрика сверхтяжёлых элементов, Байкальский нейтринный телескоп, суперкомпьютер и другие. Все они необходимы странам-участницам, так как дают их исследователям возможность на них работать, использовать все достижения, полученные на этих уникальных объектах. Существуют у нас проекты, которые реализуются также в Польше, Казахстане, Вьетнаме, Словакии... Это иной подход к объединению учёных и специалистов, чем принято в мировой практике. Кстати, есть ещё очень важное направление в нашей работе — это воспитание талантливой поколения молодых учёных. И эту работу мы начинаем со школы, помогая учителям, преподающим математику и физику.

— **В самом начале беседы вы сказали, что у вас были сомнения, вступая в должность. Сегодня можно сказать, что они не оправдались?**

— Конечно, я могу сказать, что испытываю удовлетворение от сделанного, но как хочется сделать больше! И в первую очередь довести до конца те проекты, которые мы

начинали вместе с коллегами. Конечно же, необходимо думать и о будущем. К примеру, для решения проблем в науках о Жизни нужны нейтронные источники, мощные пучки, компьютерные технологии, установки для работы с «большими данными», искусственный интеллект и так далее. Отставать от современных тенденций развития нельзя, недопустимо. Помню, когда начались первые эксперименты в области физики высоких энергий, я — молодой теоретик — получал данные от экспериментаторов после их публикаций. То есть спустя некоторое время. Сейчас же все иначе. Теоретик должен быть в составе одной группы с экспериментаторами. Стиль работы изменился. И мы в ОИЯИ должны обеспечивать передовые методы исследований в области информатики, в обработке больших данных... Это новые области науки, и в них у нас уже есть неплохие результаты. Но останавливаться — ни в коем случае нельзя!

— Я не могу не спросить вас о судьбе Академии наук. Вы член президиума, а потому в курсе ситуации вокруг РАН. Что происходит с ней?

— Мы все переживаем за её судьбу, видим, что те преобразования, которые шли в течение ряда лет, привели к тому, что Академия наук уже другая, чем в советское время. Сейчас у нее есть право осуществлять экспертизу на высоком уровне всех научных проектов, в области образования. Президиум РАН объединяет людей, которые уже в возрасте, и это накладывает свой отпечаток. Когда мы слушаем доклады о сложнейших проблемах в стране, поражаешься, насколько высок уровень знаний, опыта и мудрости у этих членов Академии. Это огромная ценность! Увы, знания и опыт на благо государства используются мало, ничтожно мало. Для всех нас — и членов Академии, и властных структур — это большая проблема.

— История учит, что все великие проекты, которые осуществлялись у нас, шли под флагом Академии наук. А сейчас этот флаг, согласитесь, «приспущен». Есть ли силы, способные его высоко поднять?

— Если не будет найден способ, как использовать богатейший опыт Академии наук для нужд страны, то мы лишимся очень многого. Отдельные направления развития, конечно, важны, но нужен орган, который бы их объединял. А это, безусловно, Академия наук. Конечно, доля вины лежит и на самой Академии. Был такой лозунг: «Можно реформировать все в России, кроме Церкви и Академии наук». Он «успокаивал» нас, членов Президиума (я много лет в нём работаю), а надо было принимать решительные меры по избавлению от самоуспокоения, нерешительности. Кстати, я это особенно остро почувствовал, когда был избран в Дубне директором. Образно говоря, я пришел с грузом «академических ошибок», а потому постарался опираться на талантливых людей, способных к переменам, поиску нового, уменью дерзать. К счастью, такие люди здесь есть, и они помогли не только сохранить этот уникальный научный центр, но и приумножить его достижения. Международное сотрудничество, символом которого в России стал Объединённый институт ядерных исследований — самое ценное, пожалуй, на сегодня в современном бушующем мире.

— Мир действительно лихорадит, как вы можете работать в столь сложной политической обстановке?!

— Отвечаю просто: мы не вне политики, а над ней...

Беседовал Владимир Губарев

Владимир Степанович Губарев — журналист, писатель-фантаст, драматург, автор более двух десятков книг и знаменитой пьесы «Саркофаг» о черныбыльской трагедии, поставленной на многих мировых сценах. Лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола, награжден двумя орденами «Знак Почёта» и орденом Гагарина.